

ВОДКА

Людмила Бержанская

18+

Людмила Бержанская

Водка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37401491

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта книга не столько о вреде алкоголя, сколько о разрушенной душе, о неосуществленных мечтах и о потерях.

Горькая история в письмах и рассуждениях без назиданий.

От автора.

Все люди хотят счастья. Много лет счастья. На худой конец, несколько лет, месяцев, недель, дней, часов, но только счастья. Его желают на Новый год и в день рождения родным и знакомым, маленьким, подрастающим, взрослым и старым. О нем говорят и мечтают. У каждого оно свое. И чаще всего, очень далекое от реалий жизни. Но что мы делаем для того, чтобы оно пришло и поселилось в наших домах и душах надолго? Умеем ли, знаем ли, храним ли? Чаще всего, не умеем, не знаем и не храним. Почему нашу память переполняют обиды больше и чаще, чем воспоминания о любви и счастье? Почему обиды, разочарование и страх в нашей памяти всегда занимают больше места, чем любовь и счастье? Может быть, негативные чувства сильнее позитивных? Не знаю. Может, не сильнее, а больше? Любой человек, вспоминая былую боль, ограждает себя от следующей.

Больше всего разрушают любовь равнодушие, скупость, хамство, игромания, глупость и водка.

Эта книга о пьянстве, о том, как алкоголизм разрушает в человеке все. Он теряет любимую работу, семью, любовь дочери и получает в результате равнодушие и отторжение любимой женщины.

Алкоголизм очень распространен у славян. Это одна из са-

мых больших проблем страны. Но, к сожалению, в этом вопросе финансы страны и человеческая жизнь находятся не одно столетие в конфронтации. А в результате, тысячи, а может, миллионы погубленных жизней, разбитых семей и безнадёжность любящих сердец.

Я написала книгу в надежде, что и другие писатели поднимут этот вопрос в творчестве. Поднимут до общенационального крика о помощи.

Людмила Бержанская.

1

Моя Мишель!

Ты не ждешь от меня новостей. Я знаю. Увы. Несколько часов тому назад позвонил один совсем не близкий знакомый, и как-то сухо, коротко и равнодушно сказал: Анастас умер. Больше ничего. Понимаешь, больше ни одного слова! Просто положил трубку. У нас есть такое выражение: “ни тебе здрасте, ни тебе до свиданья”. (Тебе понятен русский колорит?)

Пишу и начинаю понимать: он не вернется. Никогда. Понимаешь, никогда больше не будет ошибок и смятений, терзаний, поражений и падений. Не будет счастья и надежд. Потому, что его уже нет. Он все забрал с собой: душу, знания, терпение и любовь. Он ничего уже не сможет сделать иначе.

У меня такое чувство, как будто в душе включилась пленка. Вспоминаю, вспоминаю, потом нажимаю невидимую кнопку “стоп” – еще раз. Не надо было так говорить, так поступать, так думать. Не надо. Но... все. Я ни-че-го не могу изменить. Вообще ничего.

*Извини меня за сумбур. Может, напишу еще завтра.
Лизет.*

Мы возвращались с кладбища. Яркое утреннее солнце сменилось дождем. А потом – неприятным туманом. Вместе с погодой менялось и настроение. Смерть страшна самым главным – расставанием навсегда. Тот, кто ушел, никогда на тебя не посмотрит, не поговорит, не выслушает, не будет раздражать-обижать, не будет предавать, не будет плакать и смеяться. В общем, не будет ничего. И ты по отношению к нему: тоже. Вопрос только в степени близости, необходимости, потребности, любви и еще, еще... Вот в этом вопросе и кроется главная боль. А может, все не так? Мы продолжаем думать, советоваться, делиться мыслями, плакать, но только молча. И душе от этого хоть чуточку, но легче. А если правда, что душа не умирает, тогда, наверно, с ней мы и общаемся: мыслями, сердцем, чувствами. Может, от этого общения душ и боль потихоньку стихает?

Утром мы все уже знали, что он умер. Не успокоились, не смирились. Просто, приняли устно сам факт. Потом увидели холодное, чужое лицо. Нет, не чужое, а незнакомое, весь вид которого говорил: меня уже нет, и никогда не будет. От этого

у живых и льются слезы. Уже знали, но еще не видели. А увидели – и осознали, и расплакались.

Назад по кладбищу шли очень медленно, понимая, что уже ни-че-го не вернуть. Дорогу начал застилать густой туман. В этот день, вообще, все было странно. Встречу назначили у морга в 10 часов утра, но отъехал печальный кортеж только в два часа дня. Говорили, что его будут кремировать, а повезли на кладбище и похоронили рядом с матерью. Мне показалось, что в ограде его могила была уже третьей. Да, да. Я вспомнила: много лет тому назад мы познакомились в автобусе: он ехал с поминок отца. Видимо, первая была могила папы, вторая – мамы, а третья – его. Все четыре часа было как-то беспокойно. Складывалось впечатление, что за эти четыре часа все переиграли. То есть, крематорий на кладбище. Я не понимала, почему задерживается церемония.

Организовали похороны его сестра с мужем, с которыми когда-то давно была знакома. Интересно, Клава сейчас вспомнила меня? Двое мужчин в штатском с военной выправкой и такой же манерой общения что-то говорили, явно настаивая. Вадим, муж Клавы, работал начальником строительного треста: такому сильно не прикажешь. Но он послушно соглашался, посылая одну машину в крематорий, другую на кладбище. В общем, я поняла, что за четыре часа переиграли не только место и способ захоронения, но и место поминок. Уже много лет никто не готовит поминки дома.

В зависимости от финансов: кто в ресторане, кто в кафе, а кто и в заводской столовой. Похоже, что за эти четыре часа все приготовленное в кафе переместилось в гостиную Клавы и Вадима. Это меня удивило еще больше. Я бывала у них в доме пару раз. При огромной доброжелательности я интуитивно чувствовала, что семья живет закрыто. Не любят, когда приходят незнакомые. Мне кажется, что сын с невесткой, то есть Владик с Леночкой, так же вели себя в доме родителей. Наверно, поэтому у них часто звучала тема отдельной квартиры. Эта тема тут же встречала не отрицание, а отрицающее объяснение: зачем же тогда нам двоим огромная, метров 120, в сталинском доме квартира? Что в ней делать двум стареющим людям? О размене говорить запрещалось. У меня складывалось впечатление, что эта квартира и Зимний Дворец по своей значимости где-то рядом. А “святое” не разменивают.

Какие же аргументы привели те двое в штатском, что Клава с Вадимом безропотно все переиграли?

На поминках поговаривали, что во время очередного застоя случился инсульт – и все. Рядом никого не оказалось. Есть такое слово “одиночество”. В его возрасте, чаще всего, это результат жизни с ненужной женщиной. *А одиночество ведь очень плохой советчик.* В результате – свежий холм под тремя дубами на кладбище с надписью “Анастас Пантелеевич Споковцев”, даты рождения и смерти, без фотографии. И еще: черные ленточки на ограде. Очень скоро все зарас-

тет травой. Быть может, она, единственная, качаясь от ветра, будет тосковать о нем. Интересно, какую выберут фотографию, где он в военной форме или гражданскую? Какая разница! Какие глупые мысли лезут в голову в такой печальный момент.

Я не люблю посещать кладбища. У меня не появляется ни чувства успокоенности, как у других, ни чувства благодарности к ушедшим, ни чувства вины, что я еще живу. Эти посещения, скорее, обязанность, необходимость. Хочу ли я, чтобы приходили на мой погост? Нет. Ушла – так ушла. Не стоит мертвым чрезмерно отягощать память живых. Жизнь и так коротка. Но есть одно обстоятельство, которое обязательно присутствует при кладбищенских посиделках – это воспоминания. То общее, что связывало меня с этим человеком. Общее время, общие события. Иду по кладбищу мимо чужих могил, чужих судеб, чужих страданий и чужого отчаяния.

2

Дорогая Мишель!

*Мне не дает покоя, как могло с ним такое случиться?
Извини, но я опять о нем.*

*Не покидает предположение о насильственной смерти.
Понимаешь, у нас в медицине существует такой порядок:
если пожилым человеком несколько месяцев не обращался к вра-*

чу (то есть, нет никаких записей в его медицинской карте), у правоохранительных органов возникает предположение о насильственной смерти. Тогда производят вскрытие, и только после всех юридических оформлений хоронят. На похоронах я ни у кого ничего не спрашивала. Но сложилось впечатление, что его нашли не в день смерти, а немного позже. Спешили хоронить, а не кремировать. Видимо, чтобы была возможность эксгумации. Но это только мои домыслы. Сейчас не время для женского любопытства.

Уже много лет я с ним не поддерживала никаких отношений. Даже не перезванивались. Как давно были пять лет счастья! Нет, скорее, фантастических эмоций. Мы не могли оторвать рук друг от друга. Мы ждали окончания рабочего дня, и встречались на улице, чтобы вместе идти домой. Все было в радость: и дни, и ночи. И хождение по магазинам за продуктами, и ужины с бесконечными разговорами. Мы делились каждой прожитой минутой. Мы были так счастливы в объятиях друг друга. Многие называют это любовью. Знаешь, у него было хорошее выражение: счастье – это, когда все в комплексе. То есть, подразумевалось (когда-то даже объяснялось), что с дурой счастья быть не может. С хамкой и неряхой – тоже (первое слово обозначает агрессивно-невоспитанную, а второе – неаккуратную женщину). Список был не большой, но внушительный. Он говорил мне: это счастье, – я так не думала.

Мишель! Знаешь, за многие годы я впервые говорю о нем

вслух. Никогда не любила делиться своими душевными переживаниями. У нас есть такое выражение: прорвало (Ты поняла?).

Я с ним имела все, о чем только может мечтать женщина. Щедрый, умный, образованный, воспитанный, эмоциональный. Кроме одного – водка. Все знают, что Россия – это пьющий Гамлет. Но, когда это рядом... С ней заканчивались силы, ум, щедрость, честь, чувство собственного достоинства. Все. Это невозможно представить. Нужно видеть туманный взгляд, равнодушие ко всему и вся и к себе тоже. Когда непослушный язык лепечет какую-то чушь, заканчивается все. И в первую очередь, эмоции. Ты не представляешь эту боль, разочарование, безысходность и каждый раз унижение. Почему, почему именно со мной такой человек? Неужели это все, что заслужила в жизни? Я выгнала его из дома, но легче не становилось. Проходило несколько дней, проходил запой (Ты поняла это слово?), и опять мой Тасик (так все называли Анастаса) был лучшим в мире мужчиной. У меня от этих перепадов заканчивалось терпение, силы, чувства и эмоции. Возвращаясь взглядом назад, не понимаю, как меня хватило на пять лет.

Я сотни раз задавала вопрос: неужели, от такого состояния души ты получаешь удовольствие? Странный получала ответ: не умничай. В нем не было желания что-либо решить для меня и для себя. Понимаешь, его такая жизнь устраивала. Раздражали эти разговоры, он не хотел слу-

шать, не хотел ничего понимать. Но очень удивлялся тому, что я скептически отвечала на его словесные восторги любви.

Мишель, милая, прости меня за то, что взваливаю на Тебя опять весь груз моих эмоций. Мне кажется, что у европейских женщин это не принято. А может, я ошибаюсь? Спасибо Тебе за письмо сочувствия и за терпение.

Лизет.

3

Я вышла из ворот кладбища и направилась к автобусу. В этот момент кто-то нежно задержал меня за локоть. Обернулась: передо мной стояла Клава и тетя Тоня, сестра их мамы.

– Здравствуйте Клавдия Пантелеевна! Я думала, что вы меня не узнаете: столько лет прошло.

– Здравствуйте Елизавета Михайловна! Я вас заметила еще у входа в морг.

– Мне сообщили об этом его коллеги, – ответила я на вопрос, который не был еще задан.

– У меня к вам просьба: садитесь в нашу машину – прошу вас, помяните вместе с нами Тасика.

Так называли его все близкие. Так называла его я. Мне всегда казалось, что имя Тасик подходит ребенку, юноше или хлипкому мужчине, но не ему.

– Простите, я не обратила внимания: Валя, Галя и Вадик

здесь?

– Нет. Они не приехали.

– Им не сообщили?

– Сообщили.

Значит, ни бывшая жена, ни дочь, ни внук не посчитали нужным. Валентину и Галину я понимаю. Ох, как водка может все зачеркнуть в душе! Но Вадику 19 лет. Дедушка столько для него делал. Бросил работу, и на пять лет полностью взял на себя воспитание внука. Галя с мужем-летчиком уехала зарабатывать деньги в Гану. Бабушке нужен был пенсионный стаж. А дедушка, полковник в отставке, ушел с должности заведующего лабораторией большого института, и воспитывал внука. Когда вернулись мама с папой, Вадику было уже восемь. Жаль, что у него оказалась неблагодарная память. А может, мама с бабушкой не позволили или не сказали: все-таки другой город?

Столбы были накрыты в двух комнатах. Странная компания собралась поминать. Я знала всех его родственников, сослуживцев и знакомых. За столом – почти никого из тех, кому близка эта беда. Один из коллег по институту (вообще-то по пьянству), племянник, жена умершего брата, соседка по лестничной площадке, тетя, вся семья Клавы – и все. Еще – те двое в штатском. А остальные, судя по манере общаться, подчиненные Вадима, мужа Клавы. Еще один повод выразить свое почтение начальнику. Какая разница: какой! Главное, повод согнуться и лизнуть. Пусть даже смерть чужого

им человека. Те двое сели в разных комнатах. Видимо, хотели получить хоть какую-нибудь информацию. С одной стороны, я как-то уж подозрительна к этим ребятам, с другой – ну почему-то же они все переиграли. После нескольких рюмок отменного коньяка, мне показалось, что они перестали выполнять свои служебные обязанности.

Потом – привычные слова, коньяк и вкусная еда. Все потихоньку стали между собой знакомиться, и говорить о том, что близко сегодня им, живым. А повод, по которому собрались, как-то незаметно начал забываться.

4

Милая Мишель!

Вчера я похоронила Анастаса. А вообще-то, много, много лет своего прошлого. Извини, что отвлекаю своими письмами и взваливаю на Твои плечи свои горести. Я задумалась: а почему именно Тебе, в первую очередь, выплеснула свою боль? Может, потому, что Ты далеко? А может, потому, что нашла взаимопонимание с достоинством?

Я вспоминаю нашу первую встречу. Это же невероятная случайность! Кстати, все забывала спросить, Твоя тетя наладила отношения со своей приятельницей у нас на Украине? Тебе, наверно, режет слух “на”, а не в Украине? Не знаю, как и чем это объяснить, но почему-то только к нашей стране применяется наречие “на”.

Не помню, говорила ли тогда о мужчине, который попросил об этой любезности? Я с ним встретила в одном частном клубе, где собираются любители поэзии, музыки и живописи. Он занимается творчеством очень известного украинского и одновременно русского художника Ильи Ефимовича Репина (думаю, что Ты знаешь его работы: мы ведь столько говорили о русской культуре). Он родился недалеко от г. Харькова в поселке Чугуев (поселок – это достаточно большая деревня с одним или двумя промы шленными предприятиями). Но всю жизнь работал в России. На берегу Финского залива у него был замечательный дом. Я посещала эти места.

Так вот, после выступления он подошел ко мне и сказал: “Я слышал, что вы скоро будете путешествовать по Европе. Скажите, а в Брюсселе?” А потом обрадовался как ребенок: как будто я единственная в нашей стране увижу Бельгию. Он рассказал, что его тетя уже не одно десятилетие ищет Твою тетю. Ты не знаешь, что же их во время войны связывало? Понимаешь, этот мужчина и его семья, совершенно чужие для меня люди. Я поняла только одно, у них был довоенный или военный адрес вашей семьи. У нас редко можно встретить в городе человека, который бы всю жизнь прожил по одному адресу. Все стараются улучшить квартирные условия. Хотя это невероятно тяжело.

Странная штука жизнь: связывает людей, которые, по логике вещей, никогда не должны были встретиться.

Извини, что начала “засыпать” (Ты понимаешь это русское выражение?) Тебя письмами. Потерпи, мне становится легче, когда пишу, а вообще-то, говорю с Тобой. Я поняла, что за это короткое время особых новостей не было. Можно, буду еще писать об Анастасе? Прошу, потерпи и помоги мне.

Лизет.

5

День добрый, Мишель!

Ты не представляешь, как я благодарна за внимание. Неужели, моя очень грустная история так интересна? Или любая история любви интересна всем женщинам? В любом случае, даешь возможность высказаться, понимая, насколько с каждым письмом мне становится легче.

Даже не знаю с чего начать. Может, с детства? Ты читала “Слова” Жана Поля Сартра? Он так четко, коротко и ясно сказал: нашу жизнь, и интересы в ней определяет детство. Папа Тасика был рабочим на каком-то заводе. Не знаю, кем работала мама, но эта женщина запомнилась мне очень простой. Вся жизнь ее – только забота о близких. Анастас очень любил их. Помню, сколько горя было в его глазах после похорон отца. А в день смерти мамы я не могла остановить его рыдания. Это ужасно, когда сильный мужчина, поднимающий в небо самолеты, рыдает на плече

и все слова успокоения беспомощны.

Он в детстве очень хотел учиться, хотел стать взрослым и мужественным, поэтому поступил в летное училище. Мужчина поднимал в небо самолеты, управлял ими, и очень уважал себя. Летал, в то время, на самых новых МИ-ГАх (Ты, я думаю, мало знаешь о советских самолетах). Быстро поднимался по лестнице военной карьеры. Но генералом так и не стал. Я как-то спросила: а почему не могу сказать “мой генерал”? В ответе – весь мой Тасик: летать умел, угождать – нет.

У него была огромная жажда знаний. Многие годы служил в Германии, в Потсдаме. Помнишь, после войны, несколько десятилетий в этой стране советских военных, мне кажется, было больше, чем немцев. Потом их воинскую часть перевели на Дальний Восток (посмотри по карте). У нас есть такое выражение: конец географии (то есть дальше уже ехать некуда). А там, в свободное от работы время, опять учился. Только уже в Дальневосточном Университете на историческом факультете. Заочно. У вас есть такая форма обучения? Учился просто так: для себя. Интересно, но его почему-то очень раздражало, когда я начинала говорить о том, чего он не знал. Мои увлечения живописью вызывали раздражение. Я часами рассматривала альбомы репродукций картин, привезенные из Москвы, Ленинграда, Дрездена. Мои восторги были ему не понятны. Не знал он ни Веронезе, ни Франса Хальса, ни Дюрера. Хотя

многие годы прожил в Потсдаме. Я была когда-то по туристической путевке в Германии и в Потсдаме тоже. Мне кажется, в те годы, когда в СССР ничего не было: ни разнообразия продуктов, ни хорошей одежды и обуви, ни мебели и посуды, жены военных все скупали. Этим была заполнена их жизнь. А мужчины пили. Летчики не исключение.

Но все это – до встречи со мной. На каком-то этапе у него был потерян смысл жизни. Знаешь, есть в психологии такой термин: синдром профессионального выгорания: на все, абсолютно на все скептический взгляд, который ломал мне крылья. Моим интересам, моим планам, моим увлечениям. Я долго не могла понять причину этого. А она оказалась так проста. Его жизнь, его профессия были связаны со смертью. Те, с кем он учился, дружил, проводил время, с кем были общие интересы и планы на будущее, гибнут один за другим. Думаю, ничто так не опустошает душу, как частые похороны. Видимо, у тех, кто долго живет рядом со смертью, теряется вкус и смысл жизни. Все доводится до минимума. У людей, оставшихся в живых, взгляд на жизнь сквозь призму смерти. Может, и пьянство оттуда же? Хотя, вряд ли. Думаю, работа только усугубила эту страсть. Его сестра говорила мне, что их отец и младший брат очень любили водку.

К сожалению, есть профессии, которые опустошают душу. У Анастаса – смерть близких ему людей, которая бежала по пятам. А у актеров – ежедневное проживание чуж-

жизней, чужих судеб, чужих страстей, несчастий, радостей и разочарований. Видимо, у них просто не остается времени и душевных сил на то, чтобы прожить собственную жизнь.

Помнишь, у Эммануила Канта есть такое выражение: человека больше всего интересует две вещи – мир внутри себя и звездное небо над головой. Мне всегда казалось, что звездное небо ему было ближе и понятней, чем мир внутри себя. Жаль. Умный, неординарный, обаятельный, щедрый – и все под ноги пьянству.

На сегодня, пожалуй, хватит. Ты устала? Спасибо Тебе, милая.

Лизет.

6

Я волей-неволей слышала то обрывки разговоров, то целые монологи. Начала литься *взволнованная глупость, которую выдавали за бурлящий ум.* Женщины изливали душу.

Две – явно не подружки, за “хорошим” столом, в состоянии “еще трезвости”, но уже желания открыть душу. У каждой своя прожитая жизнь. Пятьдесят есть пятьдесят. Еще не потеряны надежды. Хотя понимают – лучшее позади. Под словом “лучшее” женщины, конечно же, подразумевают затмевающие разум эмоции. Считая, что лучшее – это эмоции, а счастье – это малыш. Интересно, а мужчины тоже так разде-

ляют чувства? Даже не представляю, что думают они.

Чего ждет каждая из них? Опять опьяняющих эмоций? А куда на это время отложить трезвость разума, сжимающую все в своих руках реалистичность взглядов? В какой ящик, в какую ячейку души? Пусть полежат, пусть отдохнут, пусть не мешают? А душа в это время будет гореть, мечтать, петь, купаться в собственной беспечности. Будет наслаждаться собственным обманом, то есть, обманывать саму себя. Будет восторгаться восторгами тела, и придумывать всему этому прекрасные названия. Например: любовь или счастье. А еще, утопая в собственной слепоте, с радостным выражением глаз говорить о водовороте, который затянул, и вырваться оттуда наверх невозможно. Возможно – это понимают все: та, которая затянулась и тот, который затянул (а может, и сам тоже затянулся), и все вокруг тоже. Но первая не хочет вырваться. Второй тоже не хочет. А всем остальным интересно: чем же это закончится, а может, все равно. Возможно, среди остальных достаточно много тех, кто сам бы хотел оказаться в этом водовороте, прекрасно понимая, чем все заканчивается. Но все равно хотел бы.

Одна женщина рассказывала о том, как хочется общности интересов, невидимой ниточки, искренности, желания просто быть рядом. Пусть не каждый день, пусть редко. Но знать, точно знать, что увидишь, услышишь. Тебя поймут, тебя хотят видеть и слышать, и понимать. Хотят спешить на встречу, ждать, думать о тебе. И хотя дома семья: муж, еще здрав-

ствующая свекровь, дочь уже с мужем и с невестой сын. И всем она нужна. Именно нужна, необходима. Как хозяйка, как опора, как советчик, как сиделка. И даже мужу нужна до сих пор как любовница. С одной стороны, так важно знать, что ты нужна, с другой – хоть бы кто-нибудь из вышеперечисленных поинтересовался, чего же хочет она? Что нужно, интересно ее душе. А главное, к чему она тянется. Всех выслушала, всем посоветовала, помогла, накормила. Но спросите, же все, кого выслушала и кого накормила, что она хочет, чего не хватает душе и телу, от чего при внешнем благополучии потухший взгляд, потерянный вид и внутреннее равнодушие.

Просто нет времени на себя. Нет сил. *Усталость съедает жизнь.* Но если бы рядом, хоть изредка, оказался тот, кому не нужно помогать, не нужно советовать, не нужно поддерживать. Ах, если бы оказался Он, у которого она, ее тело вызывает еще чувство восторга, который хочет смотреть в глаза и видеть там что-то, чего не видят другие. Хочет слушать и слышать, хочет быть снисходительным к болтовне ни о чем. Хочет долго и с наслаждением дышать, уткнувшись в ее шею. Ему не нужно готовить, стирать, убирать. Его не нужно ждать с работы, когда устала. А только ждать встреч, объятий, радостных глаз; и в эти часы забывать обо всем.

И пусть все вокруг называют это изменой или предательством, пусть находят самые ужасные слова. Пусть перестают уважать и перестают разговаривать, пусть обижаются и кри-

чат. Потому, что все это от бессилия, от невозможности вернуть ее в прежний круг жизни. Не хочет больше загнанная лошадка бежать по кругу. Не хочет. Не может. Не в состоянии. Нет-нет, она будет продолжать делать то, что делала раньше. Но только ее души там не будет. Душа устала, осиротела от невысказанности, от одиночества, от равнодушия, от ненужности. Женщина никак не могла разделить понятия: равнодушие к ней лично и ненужности ее души. А может, это одно и то же?

Что же увидел Он? Что увидел в прежде красивой, уставшей и почти равнодушной женщине? Наверно, почувствовал ту, к которой ужасно тянет. Не понять нам мужчин, не понять. Увидел ту, которая согреет его одиночество? Душевное, бытовое – какая разница. Часы их встреч будут надеждой и воспоминанием. А жизнь окажется совсем не так грустна, не так однообразна и не так равнодушна.

Конечно, каждый из них понимает, что в таком возрасте любовь, страсть, смятение со временем перерастет в дружбу. И опять будет помощь, советы, поддержка. Но, во-первых, это будет потом. И еще – не каждый день и не по обязанности. А главное, будет согревающая душу тайна.

Вторая женщина, слушая первую, с замиранием сердца, с сочувствием, пониманием и сопереживанием думала о другом. То есть, о своем. Ей тоже пятьдесят, а мужу шестьдесят пять. Как давно все это было: 30 лет назад. Ей – 20, ему – 35. Прекрасный брак. Она студентка четвертого курса Универ-

ситета, он преподаватель там же. Кандидат наук. Уже готова докторская. Другого и быть не может: мама, папа, бабушка – все профессора, все доктора наук. Интеллигентная, обеспеченная семья. У мужа в 35 лет в те времена своя квартира (купленная родителями), машина и светлое будущее. А она – необыкновенная красавица, умница, способная, трудолюбивая из семьи заводских инженеров. Что говорить – не пара. Но любовь! Семья мужа приняла любовь сына. И все было хорошо. Помощь, поддержка, умные советы – когда спрашивала. Восхищение внуком, которого подарила.

Кто радовался, кто завидовал. Иначе и не могло быть в нашей стране, где большинство людей живет плохо: и материально, и морально. *А нищета, как известно, не умеет радоваться чужим радостям и не принимает близко к сердцу чужие горести.*

И вот сегодня 50. Сын во Франции: поехал поработать, но понятно, что уже не вернется домой. Она с мужем живет в центре города в огромной, старой профессорской квартире. Все хорошо: необременительная интересная работа, в доме есть помощница. Каждый год во время отпуска новые путешествия. Кажется, уже полмира объездили. И все с интересом, и все вместе. Не утомляют вечера. Он продолжает работать в кабинете. Она – из огромной кладовки обустроила себе мастерскую, где рисует и вышивает картины. Для себя. Иногда дарит знакомым. Но это вечера. А еще есть ночи. Они уже давно спят в разных спальнях. Очень давно: лет 10.

Сначала, чтобы не мешать друг другу, а потом...

Несколько лет после раздела спальных мест он приходил к ней на рассвете. И в этом было что-то забытое, приятное и даже романтическое. А потом все закончилось. Как-то резко и практически необъяснимо. Говорить на такую деликатную тему даже через столько лет замужества было неловко. Ведь все равно ничего не изменишь. А ставить мужа в унижительное положение ослабевшего мужчины не хотела, не считала нужным. Никому ничего не говорила. Только часто-часто просыпалась утром в ужасном состоянии от снов полных чувственности и порока.

Возможно, муж увлекся другой. Но это ничего не меняло. Ничего. Семья оставалась семьей: с хорошими отношениями, которые всех устраивали.

И вот год назад на соседнюю кафедру приняли на должность заведующего лабораторией отставного офицера. Ему всего 40. Но, как потом оказалось, он был ранен и демобилизован. Крепкий, обаятельный медвежонок, с офицерскими шуточками. Любитель компаний и женщин. Как-то потом он сказал: таких у меня никогда не было. Таких – это аристократично красивых, умных, образованных и воспитанных. Ее покорило, но промолчала. Потому, что это было сказано потом, когда узнала его ласки, его силу и необязательность тоже.

Все понимала, много прощала, но не было сил отказаться. Он дарил ее еще молодой душе и совсем не постаревшему

телу столько нежности, столько чувственности, столько силы, что она не могла не закрывать глаза на обманы, попойки, невоспитанность и необразованность. Он оказался просто необходимым ей жеребцом. Воспитанность порождала снисходительность. Чувственность – нежелание критического отношения к нему. А она льстила его самолюбию.

Все давно уже обо всем знали. Так давно. Что перестали шептаться, переглядываться, намекать. Муж, скорее всего, тоже все знал. И молчал. А что он мог поставить ей в упрек? Конечно, в одном институте – никуда не годится. Но, видимо, его увлечения тоже не были тайной. Потерю верности? Верности чему? Верности отсутствию супружеской близости? Верности долгу? Долгу чего? Эти вопросы можно было задавать до бесконечности. На них все равно нет ответов. И все продолжалось. Встречи, восторги, страсти, расставания. И опять – все по кругу. Уже год. Единственное, к чему она себя приучила: не звонить и не просить о встрече. Потому, что каждый звонок рассматривался любовником, как просьба. А об этом не просят.

7

Мишель!

Как здоровье? Я не совсем поняла, что сказал Тебе врач. Честно говоря, медицина для меня очень далекая область знания. Мне кажется, главное, обошлось без госпиталя и се-

рьезного хирургического вмешательства. Жаль только, что врачи почти никогда ничего не гарантируют, и мало за что несут ответственность.

У меня жизнь течет своим чередом. Все равномерно, спокойно, однообразно. Ты спрашиваешь: собираюсь ли я в Европу? Всегда и с удовольствием. Только в нашей стране очень сложно заработать достаточно денег, чтобы путешествовать, не думая о тратах. Ведь евро дороже украинской гривны в 10-11 раз.

На прошлой неделе была в театре. В нашем городе, слава богу, с этим все в порядке. Мне кажется, что я Тебе рассказывала: оперный, музыкальной комедии (оперетта), русский и украинский драматические театры, зал органной музыки, большой и малый залы филармонии, концертный зал консерватории и еще десятка два негосударственных театров. Еще есть детский драматический и кукольный. В общем, выбор более чем достаточный для не столичного города.

Так вот, я ходила в украинский драматический театр. Ему больше 100 лет. Красивое старинное здание на главной улице города. Очень хорошая талантливая труппа. Ну, что Тебе сказать, пьеса обыкновенная, а спектакль – хороший. То есть, режиссер здорово поставил акценты, а актеры профессионально сыграли.

Пьеса о проблемах семьи, которые почти всегда начинаются еще в детстве у каждого из нас. То ли сложные отношения у родителей, то ли преданная первая любовь, то ли

просто рядом живет чужой человек: непонятный и ненужный.

И опять я вспоминаю откровения своего Анастаса. Он вообще-то был не открытым человеком. У него, мне кажется, никогда и ни с кем не было желания и потребности “вываливать” душу (Ты поняла это выражение?). Но видимо, пять прожитых лет давали повод для откровений.

Понимаешь, он в жизни ставил цели и умел добиваться своего. Но почему-то свое главное предназначение, рождение дочери, доверил нелюбимой, ненужной женщине. Сейчас, возвращаясь мыслями к нему, не могу понять, почему к собственному счастью относился так беспечно. Ведь обаяние этого мужчины очень многих женщин не оставляло равнодушными. Почему он, такой серьезный во всем, так легковерно строил личную жизнь, я до сих пор не понимаю.

За эти годы несколько раз рассказывал мне о своей первой любви. Им было приблизительно 16-17 лет. Возраст, когда все через край. Она не была его женой. Она была его первой женщиной, первой девочкой. Я понимала, что все разговоры и воспоминания с высоты прожитых лет. И взгляд этот на прошлое связан, скорее всего, с первым разочарованием, с первой сердечной болью, первым предательством. Мне так казалось. Но вспоминал он ее часто. И чем становился старше, тем чаще рассказывал о ней. Может, забытые подробности, всплывая в памяти, согревали остывающее сердце? Мне не раз встречались в жизни мужчины,

которые несли память о первой любви, как лучезарный образ, как хрустальную вазу. Чаще всего, именно эти мужчины первыми рвали свои чувства и расставались с любимыми. Я тебе не раз говорила: чем больше живу, тем меньше понимаю мужчин.

Видимо, у него было то, что почти всегда присутствует в семьях, где нет желания понять и услышать друг друга. Он решил, что пора жениться в 26 лет, потому что в военной части, где служил, все ровесники и приятели женаты. Потому, что в выходные дни скучно. Потому, что к 26 – уже многие однокурсники погибли, испытывая новые самолеты. А еще очень хотел дочку. Хотел увидеть, вырастить, любить больше всего на свете. И жена подарила ему черноглазую малышку, которую назвал Галочкой (есть такое славянское имя Галина). Если бы Ты знала, сколько было нежности в его голосе, когда рассказывал о ее детстве. Думаю, что всю искреннюю любовь отдал дочке, а всю остальную – женецинам. Он говорил, что чувства в семье никуда не ушли потому, что никогда не приходили. Глупости, что разные характеры сходятся. Может, и сходятся, только никому не рассказывают, как потом живут. Как может уживаться щедрость и расчетливость, коммуникабельность и скрытность, эмоциональность и равнодушие? А если учесть, что вокруг столько женецин: красивых эмоциональных, зовущих и ни к чему не обязывающих. Не сомневаюсь, что рекой лились упреки: не нежен, не ласков, не вни-

мателен. Что не понимает и не хочет понимать. Что опускаются руки. Что не в состоянии ничего изменить: ни лаской, ни просьбой, ни женской хитростью, ни наставлениями, оскорблениями и угрозами. Я думаю, что все женщины хотят гармонии, но почти никто ее не имеет. Самое грустное, что это мысли сотен и тысяч женщин. И опять ему в помощницы приходила водка. Понимаешь, вечная смерть идет по пятам, сопровождает каждый шаг. И лучшего расслабления, чем водка не найти. И не без женщин – всяких: нужных и не очень, влекущих и просто так, интересных и совершенно не интересных. А домой – не спеша. Дочка подрастала, постоянно спотыкаясь о сложные отношения родителей, выбирая приоритеты для себя. И выросла умной, расчетливой, эмоциональной, скрытной и коммуникабельной. Я думаю, любила маму и папу по очереди: в зависимости от обстоятельств. Но, в конце концов, победила мама. Потому, что все окончательно решила водка. Галочка была самой главной его душевной потерей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.